

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-3-38-43

АЛЛЮЗИИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭМЕ В. МАЯКОВСКОГО «ВОЙНА И МИР»

К. С. Науменко

Аннотация. *Статья посвящена анализу функций аллюзивного плана в поэме «Война и мир». Автор рассматриваются реминисценции и аллюзии христианской культуры, что дает возможность найти в творчестве В. Маяковского черты, свойственные русской литературе XIX в., рассмотреть произведение не с общепринятой точки зрения футуристичности и новаторства поэта, а с позиции наследования классических традиций отечественной истории и культуры. Внимание уделяется переосмыслению Маяковским канонических, устоявшихся образов. Исследование аллюзивного плана произведения позволяет рассмотреть текст как часть русской культуры безотносительно к личным взглядам поэта, что обуславливает актуальность работы. При анализе поэтического текста используются общенаучные и филологические методы, такие как сравнительно-сопоставительный, биографический метод, интертекстуальный подход, что помогает рассмотреть произведение во взаимосвязи с литературой более раннего периода и событиями, повлиявшими на формирование авторской позиции в тексте.*

Ключевые слова: *аллюзия, христианская культура, творчество В. Маяковского, поэма «Война и мир», антивоенная тематика.*

ALLUSIONS OF CHRISTIAN CULTURE IN V. MAYAKOVSKY'S POEM "WAR AND PEACE"

К. S. Naumenko

Abstract. *The article analyzes the functions of an allusive plan in the poem „War and Peace”. The author considers reminiscences and allusions of Christian culture, which makes it possible to find in V. Mayakovsky's work features peculiar to Russian literature of the XIX century, to consider the work not from the generally accepted point of view of the poet's futuristism and innovation, but from the position of inheritance of classical traditions of national history and culture. Attention is paid to rethinking the canonical*

© Науменко К. С., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

and established images by Mayakovsky. The study of the exclusive plan of the work allows to consider the text as a part of Russian culture without relation to the personal views of the poet, which defines the relevance of the work. When analyzing the poetic text, general scientific and philological methods are used, such as comparative, biographical method, intertextual approach, which helps to consider the work in relation to earlier literature and events that influenced the formation of the author's position in the text.

Keywords: *an allusion, Christian culture, V. Mayakovsky's creative work, the poem „War and Peace”, antiwar themes.*

Творчество В. В. Маяковского в разные исторические периоды оставалось предметом постоянного внимания литературоведов. Менялся подход к изучению его произведений и поэтики, но для каждого этапа актуальность исследования оставалась неизменной. И сегодня его произведения продолжают рассматриваться с идеологической точки зрения. Так, М. Д. Стейнберг в статье «Владимир Маяковский и утопическое воображение в русской революции» [1] рассматривает творчество поэта с точки зрения вдохновенности идеей революции, ее идеализацией, а также пытается разграничить реальную действительность и художественный мир поэта, но большинство исследователей смещает акцент на изучение поэтики В. В. Маяковского безотносительно к идеологии и системе ценностей. Стоит отметить, что творчество поэта во многом продолжает традиции русской литературы XIX в., что отражается и в использовании аллюзий христианской культуры в его произведениях. Их анализ и нахождение взаимосвязи между футуристическими произведениями В. В. Маяковского и традиционной христианской культурой XIX в. составляет актуальность данной работы, в которой ставится цель рассмотреть продолжение сложившихся литературных традиций в поэзии В. В. Маяковского.

Тема Первой мировой войны получила противоречивое воплощение в русской литературе десятых годов. В. В. Маяковский откликнулся на происходящие события еще в самом ее начале. Уже в 1914 г. появится стихотворение «Мама и убитый немцами вечер». В нем дается взгляд со стороны на ужасы войны, так война еще далеко: «...слеза золотые глаза костелов, пальцы улиц ломала Ков-

на». Поэт описывает невозполнимые утраты, о которых плачут католические храмы.

Военные события в стихотворении «Я и Наполеон» (1915) по-прежнему происходят за пределами России, но мотив страданий связан уже с русским пространством, вводится мотив русского плача: «Простоволосая церковка бульварному изголовью припала, – набитый слезами куль...» Маяковский прибегает к сочетанию метонимии со сравнением. Прихожане в «церковке» оплакивают убитых. В подтексте появляется мотив множественных жертв – *набитый слезами куль*. Оксюморонный эпитет *простоволосая* церковка призван подчеркнуть силу горя. В христианских храмах женщины убирают волосы под платок. В состоянии горестного потрясения забывается внешняя обрядовость. А уменьшительная форма *церковка* свидетельствует об обыденном, непарадном, поистине народном Божьем доме.

Тема войны и редкие религиозные аллюзии в стихотворениях развиваются и более полно проявляются в поэме В. В. Маяковского «Война и мир». Данная поэма представляет собой антивоенное произведение, выражающее боль и страдание всего человечества, экспрессивное по поэтике, типологически близкое прозе Л. Н. Андреева по отношению к войне как бессмысленному и безумному явлению. Название произведения отсылает, в первую очередь, к роману Л. Н. Толстого, который также будет упомянут в поэме. Как и Л. Н. Толстой, В. В. Маяковский использует слово «мир». Его поэма о войне и народе, всей земле, переживающей эту трагедию. Но взгляд поэта на происходящее более трагичен, он не видит героев и не изображает их подвиги, не видит смысла, не видит значимости по-

беды. Для него война – это страдание всей Земли, которое нельзя было допустить.

Поэма состоит из пролога, посвящения и пяти частей. Выделяются два основных объекта описания: война со всеми ужасами и бедами и вновь возрождающийся мир после ее завершения. Интересно, как при переходе от одной части к другой меняются образы, мотивы, тропы и речевые фигуры, в том числе и аллюзии христианской культуры.

Д. Ю. Шалков в диссертации «Библейские мотивы и образы в творчестве В. В. Маяковского 1912–1918 годов» [2] пишет об апокалиптических реминисценциях в произведении. И в описании войны действительно содержатся аллюзии к тексту Откровения Иоанна Богослова. Но в поэме В. В. Маяковского жизнь человечества на земле не завершается Апокалипсисом, а продолжает существовать и после принесенной жертвы, будто бы возрождается и развивается. Поэтому, кажется, более точно соответствуют тексту В. В. Маяковского аллюзии к тексту Ветхого Завета, когда люди карались за свои грехи, уничтожались целые города. Но приход Христа и Его искупительная жертва изменили установленный порядок и дали человечеству возможность спасения.

В первой части рисуется мир накануне войны. Поэт показывает больных людей. Это нравственные болезни – мещанство, страсть обогащения:

*...в прогрызанной душе
золотопалым микробом
вился рубль* [3, с. 264].

Жажда денег поработила людей, и теперь они напоминают «упившегося Ноя», а окружающая городская действительность вместо бора, живого, чистого леса представляет собой «площадь стодомого содома». Стоит отметить, что данное противопоставление не совсем типично для творчества поэта. Урбанистический мир был близок поэту, однако здесь он рисует падший город, обреченный на уничтожение.

Библейские аллюзии акцентируют уникальные характеристики. Настоящее сравнивается с Содомом, который был полностью уничтожен. В этом мире еще остаются звезды как символ надежды, так часто встре-

чающиеся в произведениях В. В. Маяковского. Но и они оказываются «в крыши зажатые», и их осталась всего «горсточка». Это уже не те звезды, что зажигают на небе в стихотворении «Послушайте!», уже никто не видит их, не осталось ни одного, кто видел бы в них не «плевошки», а «жемчужины». Это и не та звезда, что благовестит рождение нового человека в поэме «Человек», к которой лирический герой обращается как к собеседнику.

В искаженном мире даже вечер-инок пугается людей, да и они говорят ему: «Шарахайся!» Образ инока свидетельствует, что даже природа, подобно монахам, пытается удалиться от такого мира и общества. А к людям, забывшим о своем предназначении человека, приходит война, испепеляющая и всежигающая, как и в Содоме пришел огонь, уничтоживший город.

Во второй части поэмы меняется масштаб изображения. Объектом описания становится вся планета. Маяковский показывает, что война не щадит ни одного государства. Война осмысливается как очищение, иначе мир погибнет и без нее. Война приходит и к итальянским королям, и к обычным юношам с французских бульваров, и к Толстым, спрятавшимся под Евангелием.

Маяковский использует отсылку к богословским воззрениям Л. Н. Толстого, проповедующего христианскую этику, но переосмысливающего Евангельский текст и христианские догматы, предлагающего миру свое учение как новое Евангелие, которое оказывается иллюзорным. Толстой, по Маяковскому, напрасно прячется под своим Евангелием, так как идея непротivления злу насилием оказывается беспомощной. Война приходит и Толстому и оказывается очень жестокой:

*За ногу худую!
По камню бородой!* [3, с. 267]

Одна из причин того, что Толстого у Маяковского не спасает его Евангелие, может быть то, что его историософские и религиозные взгляды были тогда широко известными: «...о Христе говорил снисходительно, явно не любил его» [4], в то время как автор поэмы видит в Христе пример того, каким должен стать новый человек.

И вот под молитву за Отечество «Спаси, Господи, люди твоя» идут дивизии, но слишком скоро молитва сменяется военным маршем. И совершенно неясно в этой войне, кто эти «сопротивные», которые упоминаются в молитве и которых необходимо победить. Мир вокруг превращается в ад Данте:

*Дантова ада кошмаром намаранней...
Разгорается.
Новых из дубров волок.
Огня пентаграмма в пороге луга*

[3, с. 271].

Маяковский использует не только прямые аллюзии к богослужебным текстам (молитву Животворящему кресту Господню), но и отсылки к литературе, основанной на христианско-католических идеях. Образ пентаграммы встречается в различных художественных произведениях. К примеру, в трагедии Гете «Фауст» читатель видит пентаграмму как символ защиты от дьявола:

«Мефистофель: *Нет, трудновато вый-ти мне теперь. Тут кое-что мешает мне немного: волшебный знак у вашего порога.*

Фауст: *Не пентаграмма ль этому виной? Но как же, бес, пробрался ты за мной? Каким путем впросак попался?*

Мефистофель: *Изволили ее вы плохо начертить, и промежуток в уголке остался. Там, у дверей, и я свободно мог вскочить»* [5, с. 56].

Однако Маяковский иначе рассматривает символ, это уже скорее номинация сатаны, с огнем из ада Данте. Стоит отметить, что такое восприятие пентаграммы появилось лишь во второй половине XIX в. в Европе и быстро распространилось, что нашло отражение и в поэме. Ранее символ был христианским: в 1405 г. Андрей Рублев пишет икону «Преображение Господне», изображая Христа на фоне перевернутой пентаграммы.

Мир в поэме Маяковского превращается в место, управляемое лишь сатаной:

*А над всем этим
дьявол
зареву зевот дымит* [3, с. 272].

Но кто виновен в этом? Война создает эту пентаграмму огня, а значит, люди, развязавшие бессмысленное кровопролитие, действуют по наущению дьявола. Потому

оказываются смешными и ничтожными те, кто сохранил лишь обрядовую веру:

*Мечите их,
впившихся зубами в огрызки просфор...
Библеец лицом,
изо рта
ряса.
«Вспомните!
За ны!
При Понтийстем Пилате!»
А ветер ядер
в клочки изорвал
и мясо и платье* [3, с. 274].

Автор овеществляет этих людей, используя прием метонимии: они уже перестали существовать как личности и превратились лишь в мясо и платье. В этом мире не остается места Богу. Он не спасает вещи, он спасает души, а их не существует, люди представляют собой только мясо, поэтому обращение к Богу теряет смысл и появляется новая молитва, молитва войне. Она представляет собой крик, идущий от сердца, сосредоточивший в себе все отчаяние.

Молитва уже больше похожа не на традиционную христианскую со смирением или покаянием, а языческую молитву, обращенную к жестокому богу:

*...вырываясь, молит душа:
«Война!
Довольно!
Уйми ты их!
Уже на земле голо!»* [3, с. 275]

Маяковский описывает своего рода путешествие на небо, прием, который неоднократно встречается у поэта. Люди поднялись в небо на самолетах, уничтожая друг друга, бороздили небесные просторы, но не встретили ни Бога, ни ангела, потому что боги бегут в ужасе от человеческих деяний:

*«Бежали,
все бежали,
и Саваоф,
и Будда,
и Аллах, и Иегова»* [3, с. 275].

Возможно, это «многобожие» является также скрытой аллюзией на богословие Л. Н. Толстого, верящего в Евангелие как в «единое всемирное истинное учение», вобрав-

шого христианскую этику, а также идеи Конфуция, Будды, Данте Алигьери и др. [4].

При отсутствии Бога миру оказывается нужна новая искупительная жертва, раз не спасает то, что было «За ны! При Понтий-стем Пилате!». Но это уже жертва человеческая, а не Сына Божия: люди отдают свою кровь, «в чашу земли сцедив по капле».

Особого внимания заслуживает четвертая часть поэмы, в которой лирический герой Маяковского берет на себя ответственность за преступления всей земли и просит за это прощения у всего мира. Е. В. Тырышкина так характеризует лирического героя Маяковского, поэта, жертвующего собой: «Поэт – трагический герой, приносящий себя в жертву, и одновременно отданный на растерзание самой жизнью, где ему нет места; он приходит на место страдающего Бога» [6]. Взамен Бога он берет на себя грехи всех народов и времен: от жертвоприношения младенцев в языческом мире до военных потерь Первой мировой. Но это раскаяние, с одной стороны, показывает вину каждого в происходящем, а с другой, дает ему возможность «новых дней принять причастие». В то же время лирический герой кажется единственным, кто сохранил душу, и именно он, как и в свое время Христос, чистый сердцем, должен принести себя в жертву. Образ искупительной жертвы присутствует во многих произведениях В. В. Маяковского, что делает его ключевым для творчества поэта.

В последней, пятой части автор использует христианские аллюзии иным образом. Во-первых, они не соотносятся с какой-либо негативной коннотацией, как ранее, во-вторых, они описывают не часть религиозных правил или историй, а нового человека. Последняя часть показывает возрождающийся мир, воскресший, как Лазарь: когда уже почти ни у кого не осталось надежды на возможность его возвращения к жизни, произошло великое чудо и погрязшая и уничтоженная земля вдруг оживает в поэме:

*Земля,
встань
тыщами
в ризы зарев раздетых Лазарей!*

[3, с. 282]

Этот мир должен отличаться от прежнего: в нем человек должен преобразиться. Преображение состоит в нравственном перерождении, она должна стать не просто лучше, чем были. Не только обрести милосердие, но и превзойти в этом Бога. И только тогда их можно будет считать настоящими людьми:

*Люди рождаются,
настоящие люди,
бога самого милосердней и лучше*

[3, с. 281].

Интерпретировать слова поэта можно различно:

*Это встают из могильных курганов,
мясом обрастают хороненные кости*

[3, с. 273].

Д. Ю. Шалков считает, что данный образ относится к апокалиптическому образу воскрешения мертвых на Страшном суде [2]. Однако в поэме Страшный суд не происходит. Мир предстает в торжественном свете. Автор говорит, что необходимо помнить произошедшее, и сравнивает страну, приносящую свои дары, со священником, выходящим с причастием. Поэтому этот отрывок осмысливается иначе: данные строки соотносятся с текстом Евангелия о распятии Христа: «...и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» (Мф. 27: 52–53).

В мире, где произошло искупление, возможно существование без войн, без страдания и насилия, возможно истинное воскрешение Лазаря, потому что придет новый свободный человек, которому отдельно автор посвящает одноименную поэму, словно продолжение произведения «Война и мир». Именно к такому человеку можно будет обратиться с восхвалением:

*Славься, человек,
во веки веков живи и славься!* [3, с. 286]

Таким образом, в поэме «Война и мир» В. В. Маяковский закладывает те идеи, которые в дальнейшем будут развиты в поэме «Человек», идеи чистой, но уже не богочеловеческой, а человеческой жертвы, необходимой для спасения мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Steinberg M. D. Vladimir Mayakovsky and the Utopian Imagination in the Russian Revolution* // Вестн. С.-Петербург. ун-та. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.105>.
2. *Шалков Д. Ю. Библейские мотивы и образы в творчестве В. В. Маяковского 1912–1918 годов: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2008.*
3. *Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. 432 с.*
4. *Мень А. В. Религиозно-философские взгляды Льва Толстого. 2020. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/men-religiozno-filosofskie-vzglyady-tolstogo.htm> (дата обращения: 28.03.2020).*
5. *Гёте И. В. Фауст: трагедия / пер. с нем. Н.А. Холодковского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 528 с.*
6. *Тырышкина Е. В. К вопросу о литературных переключках: В. Маяковский и И. Анненский («Несколько слов о себе самом» и «Тоска припоминания») // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 48–51.*

REFERENCES

1. *Steinberg M. D. Vladimir Mayakovsky and the Utopian Imagination in the Russian Revolution. Vestn. S.-Peterb. un-ta. Istoriya. 2018. Vol. 63, Iss. 1, pp. 83–91. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.105>.*
2. *Shalkov D. Yu. Bibleyskie motivy i obrazy v tvorchestve V. V. Mayakovskogo 1912–1918 godov. PhD dissertation (Philology). Rostov-on-Don, 2008.*
3. *Mayakovskiy V. V. Collected works: in 12 vols. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1978. 432 p.*
4. *Men A. V. Religiozno-filosofskie vzglyady L'va Tolstogo. 2020. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/men-religiozno-filosofskie-vzglyady-tolstogo.htm> (accessed: 28.03.2020).*
5. *Goete J. W. Faust: tragediya. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 528 p. (In Russian)*
6. *Tyryshkina E. V. K voprosu o literaturnykh pereklichkakh: V. Mayakovskiy i I. Annenskiy ("Neskolko slov o sebe samom" i "Toska pripominaniya"). Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2007, No. 3, pp. 48–51.*

Науменко Ксения Сергеевна, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: naumenkoks@mail.ru

Naumenko Kseniya S., Post-graduate student, Russian Literature of the XX–XXI centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: naumenkoks@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2020

The article was received on 01.04.2020